УДК 94 (571): 323.273
DOI: 10.24411/2311-603X-2020-00009

М. В. Шиловский

Проблема национально-территориальной автономии в Сибири в период социального катаклизма 1917 г. (март–декабрь)

Изучение национальных движений аборигенных этносов Азиатской России в избранных хронологических рамках имеет устойчивую историографическую традицию. Бóльшая часть работ была написана историками, представителями коренных народов, анализировавшими этнополитическую ситуацию в парадигме стремления отдельных этносов к национально-территориальной автономии. В последующем изучение национальной проблематики происходило по нарастающей, затрагивая такие ее элементы, как конструирование национально-культурной идентичности, формирование и мировоззренческие позиции интеллектуальной элиты, биографии лидеров.

Последовательным противником обозначенного подхода выступил В. А. Демидов, столкнувшийся в первой половине 1980-х гг. с мощным противодействием партийного руководства и историков Бурятии, Якутии, Горного Алтая. Причиной стала его квалификация позиций и действий видных представителей национальной интеллигенции (Э. Ринчино, М. Богданова, А. Кулаковского, Г. Гуркина и др.) как буржуазно-националистических и антисоветских[1]. Действительно, поименованные деятели ориентировались на либеральные и неонароднические (эсеровские) концепции решения национального вопроса и являлись противниками большевиков. Но они внесли громадный вклад в развитие национальных культур и пострадали в борьбе за национальную идею. Г. И. Гуркин сидел и при белых, и при красных, а М. Н. Богданова замучили

в семеновских застенках. Позиция же В. А. Демидова отсекала их от помещения в национальные пантеоны как противников социалистического строительства и буржуазных националистов.

Опираясь на исследования по проблеме, а также на источники, введенные в научный оборот и выявленные мною, я попытаюсь определить особенности национальных движений якутов, бурят, хакасов, алтайцев, казахов в 1917 г. В начале XX в. продолжился перевод их на 15-десятинный надел и введение порядка управления, аналогичного существовавшему у русских крестьян. Данное обстоятельство сопровождалось увеличением податных обязательств, а самое главное — в представлениях аборигенов сопровождалось утратой национальной идентичности. Поэтому они стремились сохранить сословную принадлежность и всячески сопротивлялись нововведениям. Накануне 1917 г. конфессиональная ситуация у народов региона отличалась сосуществованием противоречивых тенденций. Ударными темпами осуществлялось их приобщение к православию. Однако все без исключения современники констатировали чисто внешнее усвоение догматов православия «инородцами», сохранение традиционных религиозных представлений и прежде всего шаманизма. С другой стороны, активное «наступление» на народы юга Сибири вели ислам и буддизм.

Объективно прогрессивная тенденция приобщения аборигенных этносов к западной модели цивилизационного развития приводит к социокультурному расколу формирующихся национальных элит, отстаивавших альтернативные варианты национального самосознания и ориентирующихся не только на западную цивилизацию в лице России, но и на интеграцию народов Центральной Азии (панмонголизм) или ислам. Еще один вариант реализации национальной идеи в религиозной оболочке в начале XX в. предложили алтайцы в виде «новой алтайской веры», более известной как бурханизм.

Тем не менее определенная часть аборигенов делала сознательный выбор в пользу православия и русского образа жизни. Результатом стало появление в «инородческой» среде выдающихся представителей гуманитарной интеллигенции, ориентировавшихся на западную (русскую) цивилизацию: М. Н. Богданова, Н. Ф. Катанова, Г. И. Гуркина, С. Д. Майнагашева, Ч. Ч. Валиханова, В. В. Никифорова, А. Н. Букейханова и др. Представляется, что степень воздействия той или иной религии на общества переходного типа в значительной степени зависит от уровня седентаризации и растворения в иноязычной среде. Позицию прорусски ориентированной интеллигенции откровенно изложил в 1912 г. якут А. Е. Кулаковский: «Передаться Америке, Японии, Китаю? Нет, — эти №№ не проходят: те нас быстро задавят в борьбе за существование, и белоглазый, большеносый нуча (русский. — *М. Ш.*), не говоря уже о даровании православной веры, гораздо ближе нам, милее и родственнее их, он такой же отсталый полудикарь, как и мы, наивный добряк, не способный обижать нас (якут мог бы водить его за нос при одинаковом культурном уровне, как ему вздумается)... Единственным рациональным средством является наша культи-

визация и слияние с русскими, — благо, что помесь с последним дает хорошие плоды»[2].

Молодые интеллектуалы негативно оценивали действия властей в национальных районах. Отмечая последствия землеустройства и гонений на национальную культуру, Э. Ринчино в письме к Г. Н. Потанину (1910) констатировал: «Нас, монголо-бурят тангут, давят, хотят превратить в тук для удобрения почвы во имя псевдорусских или китайских интересов. Правительство прямо, буквально душит все наши культурные начинания, а само палец о палец не ударяет для просвещения бурят... На долю нынешней бурятской интеллигенции выпала трудная, но интересная историческая роль: она должна начать, наметить новые пути истории своего народа, под ее эгидой, руководством народ идет к известному и неизвестному будущему, в котором мерещатся то светлые и радостные блики, то зловещие грозовые тучи»[3].

Еще одной особенностью национальных движений в регионе в начале XX в. являлось взаимодействие ее лидеров с сибирскими областниками, прежде всего с Г. Н. Потаниным. Во время празднования его 80-летнего юбилея (1915) Э. Ринчино назвал Григория Николаевича «нашим идейным отцом, дедушкой общесибирской областной интеллигенции без различия национальностей»[4]. Идеолог областничества рассматривал национальный («инородческий») вопрос как часть процесса областного самоопределения. В 1908 г. он писал: «Право культурного и даже национального самоопределения... за нерусскими народами надо признать, во-первых, в узких интересах самих этих племен, для них необходимо общественное возрождение для своей защиты в борьбе за существование; во-вторых, умственная и общественная деятельность этих племен, развиваясь оригинально, внесет что-нибудь новое в общую сокровищницу человеческого духа». Помимо общесибирской Думы, интересы отдельных этносов должны будут защищать соответствующие национальные представительные органы. Например, «все бурятские “ведомства” и “степные думы” должны быть интегрированы общей бурятской думой; киргизы (казахи) должны получить свою думу, алтайцы объединиться в алтайской думе»[5].

Среди факторов, актуализировавших поиск национальными элитами региона способов решения проблемы национального самоопределения, следует упомянуть Первую мировую войну, поставившую перед российскими властями вопрос о призыве в армию «инородцев». Как отмечается в коллективной монографии, посвященной национальному вопросу в это время, «значительная часть нацменьшинств в царские времена вообще не отбывала воинской повинности. Такая исключенность населения страны из общегосударственных дел говорит о неоконченности процессов общегосударственной сплоченности народа, отсутствии выработки общих интересов, целей и задач, и, как следствие, неполном осознании всеми народами России своей единости и принадлежности одному государству»[6]. Среди других обстоятельств, повлиявших на усиление оппозиционных настроений у народов южной Сибири и казахов следует

упомянуть высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. «О реквизиции мужского инородческого населения на работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе деятельности армии». Оно было негативно встречено бурятами, хакасами, алтайцами, а в Степном крае переросло в вооруженное восстание с четко выраженной антирусской (антипереселенческой) направленностью.

Уже под воздействием Первой русской революции 1905–1907 гг. лидеры национальных элит Азиатской России начинают конструировать наиболее важные положения национально-культурной идентичности «своих» этносов. В частности, буряты Иркутской губернии на съезде 20–26 августа 1905 г. высказались за создание у аборигенов отдельного от русских уездного земства. Хакасы на Аскизском инородческом съезде 1–2 ноября того же года в основу организации земского национального самоуправления положили проект бурят, но без учреждения отдельного от русских уездного земства. Созданный в начале 1906 г. «Союз якутов» высказался за признание всех земель области собственностью якутов и «передачу функций окружных полицейских управлений в заведование самих инородцев». По мнению барнаульских историков, «казахская интеллигенция в межреволюционный период выдвинула собственно казахский национальный проект Алаш-Орды и создала первую национальную партию»[7].

Основную часть национальных лидеров составили молодые интеллигенты, беспартийные, но ориентирующиеся на социалистов. Так, из 19 членов Бурятского национального комитета (Бурнацкома), избранных 13 августа 1917 г., 11 заявили о принадлежности к ПСР[8]. Среди 10 казахских (киргизских) делегатов, казахов по национальности, участников Первого сибирского областного съезда в Томске (октябрь 1917 г.), помимо кадета Букейханова, четверо, согласно анкетам, отнесли себя к беспартийным, двое — к эсерам, один — к сочувствующим ПСР, двое к сторонникам партии «Алаш»[9]. Таким образом, прослеживается ориентация сибирских националов на эсеровскую партию.

После свержения самодержавия представители национальной интеллигенции приступают к созданию общественно-политических объединений и формулировке первоочередных задач. Ставка первоначально делается на культурно-национальную автономию. Как установила И. В. Нам, сибирские мусульмане выдвигали требование культурно-национальной автономии, которое стало политическим лозунгом сторонников духовно-религиозного и культурно-языкового единства мусульман России, «рассматривающих мусульман как единую самостоятельную нацию»[10].

Однако очень скоро от принципов культурно-национальной автономии происходит переход к обоснованию и формулировке различных вариантов национально-территориальной автономии на базе земских учреждений. На съезде бурят Забайкальской области и Иркутской губернии 23–25 апреля 1917 г. для ее достижения создается упомянутый выше Бурнацком. В Якутске в марте об-

разуется союз «Свобода», который на рубеже июня–июля переименовывается в Якутский трудовой союз федералистов, который провозглашает курс на создание федеративной республики, состоящей из субъектных областей с правом «самостоятельного устройства и управления во внутренних делах через свои местные законодательные палаты»[11]. Хакасы на 1-м съезде коренного населения 6–7 апреля решили создать Союз минусинских и ачинских инородцев, а на 2-м съезде 30 июля избрали Национальный комитет во главе с С. Д. Майнагашевым и постановили образовать Хакасскую национальную губернию в составе минусинских и ачинских татар, кузнецких татар, алтайцев и урянхайцев с центром в Усть-Абакане. Казахские автономисты на съезде в Оренбурге 21–26 июня по предложению А. Н. Букейханова в отношении национально-территориального устройства казахских земель приняли решение, что они «должны получить областную территориально-национальную автономию»[12]. В программе объединения, опубликованной 25 октября 1917 г., подчеркивалось: «Все казахские земли объединяются в единое целое, [они] обладают суверенитетом и входят в Российскую Республику на федеративных началах... В первое время Казахская автономия может составить единое образование вместе с другими заинтересованными в этом народами, а если нет, то с самого начала может стать самостоятельной единицей»[13].

Какое-то время сторонники «Алаш» ориентировались на областническое движение в Сибири. В работе Первого сибирского областного съезда 8–17 октября приняли участие 10 их представителей, в том числе А. Н. Букейханов, Х. А. Габбасов, А. А. Ермеков, Р. М. Марсеков и др. На форуме все делегаты от национальных объединений (62 чел., или 34 %)[14] поддержали идею автономии Сибири. Подобная позиция обусловливалась надеждой на то, что в ней представляемым ими этносам будет, в свою очередь, гарантирована автономия. «Самоопределение мы хотим получить вместе с Сибирью», — декларировал в своем выступлении А. Н. Букейханов, понимая под этим термином право «самим решать, как нам управлять и жить. Нельзя управлять страной из Петрограда, то же можно сказать и про Сибирь — нельзя ею управлять из одного места»[15]. В ответ на выступление социал-демократа, ратовавшего за централизацию управления территорией, он «подчеркнул в своей речи, что нужно предоставить народам жить не по Марксу, не по готовым формулам, а так, как они захотят...»[16]

При обсуждении вопроса об автономии Сибири развернулась дискуссия между автономистами и федералистами, которые, в свою очередь, разделились на признающих Сибирь в качестве единого региона и выступающих за ее членение на ряд областей. Якут С. А. Новгородов вступил в полемику с Р. М. Марсековым, отвергавшим необходимость создания в регионе национальных парламентов (сеймов). По мнению делегата от Семипалатинского областного киргизского комитета, местные этносы должны входить в состав автономной Сибири на правах областей, обладающих широким самоуправлением.

Законодательные же функции должны принадлежать сибирскому парламенту (областной думе), в котором будут иметь соответствующее представительство и национальности. Новгородов возражал в том плане, что невозможно сразу же создать такую громоздкую структуру национальных парламентов (сеймов) из-за отсутствия образованных национальных кадров[17]. Пытаясь охладить страсти, на заседании 15 октября А. Н. Букейханов пояснил: «Я смотрю на наши дебаты, как на дебаты блока вообще народов Сибири и это дело не партийное, и мы должны стараться всех талантливых сибиряков собрать около этого дела»[18].

16 октября 1917 г. делегаты Первого сибирского областного съезда приняли постановление «Областное устройство Сибири». Признавая единство Российской республики, документ провозглашал для ее частей «автономию национальную или территориальную». В пределах полномочий, определенных «центральным парламентом», вся полнота власти в регионе должна принадлежать Сибирской областной думе, «избранной на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права с соблюдением начал пропорционального представительства». Как автономная единица Сибирь «имеет право передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий отдельным областям и национальностям, занимающим отдельную территорию, если последние этого потребуют, превращаясь таким образом в федерацию, т. е. союз областей и национальностей». Не забыли делегаты и щекотливую проблему границ Сибири, определив их «по водоразделу на восток от Урала, со включением всего киргизского края, при свободном на то волеизъявлении занимающего эти пределы населения». На заключительном заседании 17 октября избирается исполнительный комитет из 8 чел., в том числе казаха А. А. Ермекова, и 6 кандидатов, включая бурята Б. Вампилуна и татарина Ю. Р. Саиева[19]. Давая оценку постановлению, следует указать, что он, на мой взгляд, предлагал оптимальный вариант федеративного устройства России, сочетая оба подхода к федерализму: национальный и территориальный, гарантировал сохранение этнической самобытности национальных меньшинств в районах смешанного проживания и для экстерриториалов.

Как установил С. В. Селиверстов, во второй половине 1917 г. А. Н. Букейханов отстаивал «идею суверенитета казахской степи, суверенитета Алаш через интеграцию с соседним европеизированным пространством, каким в известном смысле была российская Сибирь». В то же время другой лидер казахского национального движения Мустафа Чокай руководил мусульманским съездом в Коканде, провозгласившим Туркестанскую автономию, «правительство которой возглавили высокообразованные казахские и узбекские интеллигенты»[20]. В феврале 1918 г. Кокандское правительство пало, и для Алаш-Орды оставался только вариант сотрудничества с сибиряками.

На состоявшемся 6–15 декабря 1917 г. в Томске Чрезвычайном сибирском областном съезде казахские национальные организации представляли

А. М. Баймурат (Кустанай), К. М. Сейдалин (Тургай), А. Т. Турлубаев (Омск), И. Л. Турмухамедов (Оренбург). Всего же в работе форума приняло участие 160 делегатов с решающим голосом, в том числе 50 (31%), представляющих 12 этносов, помимо русских, из них 21 чел. был делегирован национальными объединениями[21]. В избранный съездом Временный сибирский областной совет вошли два национальных представителя — А. А. Ермеков и украинец Д. Г. Сулим с совещательным голосом.

В свою очередь на 2-м Всеказахском съезде в Оренбурге 5–13 декабря 1917 г. обсуждались «меры по спасению казахского народа от произвола советской власти и анархии... В целях предотвращения беспорядков в районах компактного проживания казахов съезд постановил объявить национальную автономию казахских областей под названием Автономия "Алаш", а также создать Временный всеказахский народный совет Алаш-Орда (казахское правительство). Председателем правительства был избран Букейханов»[22]. Как видим, почти одновременно лидеры казахского национального движения пытались реализовать прозападный (русско-сибирский) и тюркофильский (панисламский) варианты достижения национальной автономии. М. В. Селиверстов писал: «Как показывает анализ исторической ситуации, для лидера "Алаш" Алихана Букейханова и его сторонников приоритетное значение в этих непростых условиях 1917 г. имело взаимодействие казахских земель не с Кокандской автономией (Туркестанским мухтариятом), а скорее с Сибирской автономией»[23]. В то же время на Оренбургском съезде в качестве запасного варианта они решили образовать собственно казахскую автономию.

Параллельно 1–6 июля 1917 г. в Бийске прошел съезд делегатов от инородческих волостей Кузнецкого и Бийского уездов, принявший решение учредить Алтайскую горную думу. Ее функционеры попытались образовать национально-обособленные волости. «В с. Онгудае, например, — отмечает В. А. Демидов, — возникли две волостные управы — русская и алтайская. Русско-алтайское село Мыюта раскололось на две части: алтайцы образовали инородческую волость, а русские приписались к соседней Шебалинской волости. В Кузнецком уезде отделу Алтайской горной думы в конечном счете удалось образовать 4 национально-обособленные шорские волости»[24]. Подобные действия вызвали неприятие крестьян, возникающих советских органов, фронтовиков. В сложившейся ситуации горнодумцы отказались от создания национально обособленных административных структур и признали необходимым выделить Горный Алтай в обособленную земскую единицу без различия национальностей.

Поэтому 19 ноября 1917 г. они обратились к депутатам открывшейся первой сессии Бийского уездного земского собрания с просьбой: «Устройте нас, горных жителей, а вместе с нами и русских, живущих в горах, в особый Горно-Алтайский уезд». Сессия предложила провести опрос в заинтересованных волостях[25]. 9 января 1918 г. на чрезвычайной сессии собрания доложили о результатах «референдума»: 71 888 чел. высказались за создание уезда, 7924 чел. — против,

в основном жители русских поселений. Гласные потребовали предоставить сведения по ряду неопределившихся селений, хотя это принципиально не меняло ситуацию. И тогда 12 января горнодумцы заявили: «Мы сделали всё, что было в наших силах, чтобы пойти с Вами рука об руку по пути развития цивилизации. Вы этого не приняли. Теперь, оскорбленные до глубины души Вашим недоверием и Вашими эгоистическими замыслами, мы от имени 60 000 инородческого населения Горного Алтая, в составе всей Алтайской горной думы, <...> заявляем Вам, что инородческое население Горного Алтая объединяется в самостоятельную национальную единицу, игнорируя Ваше эгоистическое желание затянуть на неопределенное время создание нового уезда, с пути краевого переходим на путь национального объединения, и берем свое самоуправление в свои руки»[26].

Горная дума обосновалась в с. Улала (ныне г. Горно-Алтайск), где 6 марта 1918 г. открывается Учредительный горно-алтайский краевой съезд. 7 марта председатель думы Г. И. Гуркин предложил объединить саяно-алтайские народы (алтайцы, хакасы, шорцы, тувинцы, монголы) в республику Ойрот. Для этого решили провести курултай с нормой представительства 1 депутат от 3 тыс. чел. 28 июля 1918 г. в Кош-Агаче. Томского эсера В. И. Анучина избрали уполномоченным (каганом), поручив ему вести переговоры с представителями заинтересованных государств[27]. Алтайские автономисты попытались перехватить инициативу у хакасских коллег, высказавшихся еще в августе 1917 г. за объединение тюрков Южной Сибири в единую республику. В состав Каракорум-Алтайского округа должны были войти 32 волости Бийского уезда и 8 волостей Кузнецкого. Предусматривалось строительство столицы образования «на правом берегу Катуни между селениями Манжерок и Майма — участок Соузга»[28].

Начав борьбу за национальное самоопределение, алтайские автономисты за год своих усилий дальше введенных в июне 1917 г. волостных земских управ не продвинулись. Затормозилось решение вопроса о выделении Горного Алтая в отдельный уезд. Примерно такая же ситуация наблюдалась в других национальных районах региона.

Хакасы в марте 1918 г. на 4-м съезде в Аскизе объявили себя «самоуправляемым народом» во главе с законодательными (Степные думы) и исполнительными (Степные управы) органами. Начавшееся национально-государственное строительство прерывает Гражданская война и на местах власть сосредоточивается в земских учреждениях. Минусинская уездная земская управа отказалась санкционировать создание Хакасской степной управы, избранной на 6-м съезде хакасов в начале июля 1918 г. в д. Сенявино. Провалилась попытка организации обособленных национальных органов самоуправления (земств) из-за негативного отношения чересполосно проживающих с аборигенами русских крестьян.

На краевом съезде исполнительных комитетов общественных организаций Восточной Сибири 25–29 июля 1917 г. в Иркутске делегаты высказались «за самую широкую культурно-национальную автономию», а «создавшиеся в про-

цессе национального строительства самунные, хошунные и аймачные организации съезд рассматривает как начальные основные единицы культурно-национального объединения бурят»[29].

В начале 1918 г. Алаш-Орда предпринимает первые шаги по организации автономии. В первой половине января в местные органы власти казахских областей направляется телеграмма, подписанная председателем Областного комитета Ляшкевичем, председателем Семипалатинского областного киргизского комитета Р. М. Марсековым и председателем крестьянского совета Самариным, следующего содержания: «Скоро будет объявлена автономия Киргизского края, решенная на Оренбургском съезде, состав — приблизительно девять областей. Во главе автономного края станет совет, составленный пропорциональным представительством всех национальностей, живущих в крае. Окончательное устройство, органы власти, нормы представительства будут установлены учредительным собранием, которое будет созвано временным советом при первой возможности...»[30]

Обращают на себя два момента. Прежде всего, как и в Сибири, верховный орган — временный совет формируется «от всех национальностей, живущих в крае», т. е. без обособления. Во-вторых, в состав автономии должно войти 9 областей, хотя собственно казахских (с их преобладанием в составе населения) насчитывалось 5 (Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Тургайская, Уральская). Но в состав среднеазиатских владений Российской империи, помимо них, входили еще Закаспийская, Самаркандская, Ферганская и Сыр-Дарьинская области. Всего получается 9 областей и, следовательно, в состав автономного образования должны были войти территориально-административные образования и народы Средней Азии и Казахстана, за исключением Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

Таким образом, осуществленный мной анализ усилий национальных элит Сибири и Степного края позволяет сделать вывод, что политическое мышление их интеллигенции опережало уровень массового сознания этносов. В результате взаимодействия национальных и российской культур возникает «так называемая бинациональная культура, национальный компонент которой, с одной стороны, придает уникальность и силу общероссийской, а с другой — выделяет то, что присуще каждому народу»[31]. В период социального катаклизма 1917 г., пройдя стадию отстаивания концептов культурно-национальной автономии, национальная интеллигенция в Сибири начала добиваться признания территориальной автономии для своих этносов. Пришедшее к власти в Азиатской России Временное Сибирское правительство 18 июля 1918 г. обнародовало проект «Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири», в котором зафиксировало отрицательное отношение к национально-территориальной автономии. На этом основании омская власть отказалась признавать национальные комитеты, в том числе Алаш-Орду киргиз-кайсаков, органами национально-государственной власти[32].

[1] *Демидов В. А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири 1917–1923. Изд. 2-е. Новосибирск: Наука, 1983. С. 17.
[2] *Кулаковский А. Е.* Из письма якутской интеллигенции // Дьяконова Н. Н. Якутская интеллигенция в национальной истории. Судьба и время (конец XIX в. — 1917 г.). Новосибирск: Наука, 2002. С. 232. Приложение.
[3] РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 139а. Л. 4–5.
[4] *Шиловский М. В.* «Полнейшая самоотверженная преданность науке...». Г. Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск: Сова, 2004. С. 212.
[5] *Потанин Г. Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 261–288, 267, 285.
[6] Национальный вопрос и этнические воинские формирования русской армии в годы Первой мировой войны. Пермь: Издательский центр Пермского гос. ун-та, 2017. С. 337.
[7] Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г.: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 213–214.
[8] Съезды, конференции и совещания социально-классовых, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 69.
[9] ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–344.
[10] *Нам И. В.* О культурно-национальной автономии мусульман Сибири в 1917 г. // Материалы межрегионального совещания по развитию культуры малочисленных народов Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 165.
[11] *Федоров В. И.* Якутия в эпоху войн и революций (1917–1919). Новосибирск: Гео, 2010. Кн. 2. С. 37, 50–51.
[12] *Шиловский М. В.* Взаимодействие деятелей «Алаш» и сибирских областников в 1917–1918 гг. // Изв. Омского гос. историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 37.
[13] *Селиверстов С. В.* Алаш в Сибири в 1918–1919 гг.: позиция А. Н. Букейханова и тенденция региональных отношений // Евразия. 2008. № 1. С. 23.
[14] ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 4. Д. 645. Л. 9–10.
[15] ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 5.
[16] Восточное отделение правительства Алаш-орды. Сб. док. Семей, 2010. С. 14.
[17] *Нам И. В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008. С. 232.
[18] ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.
[19] *Шиловский М. В.* Первый сибирский областной съезд (октябрь 1917 г.) // Вопросы истории Сибири. Новосибирск: НГУ, 1998. С. 53, 54.
[20] *Селиверстов С. В.* Пути интеграции в евразийском регионе в 1917 г.: Г. Н. Потанин, А. Н. Букейханов, М. Чокай // Азиатская Россия во второй половине XIX — начале XX в.: проблемы региональной истории. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 167, 168.
[21] ГАТО. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 7. Л. 7, 122, 138, 139.
[22] *Христофоров В. С.* «В целях изоляции Алихана Букейханова от казахского населения выслать его в Москву» (по материалам ЦА ФСБ России) // История России. 2017. № 4. С. 66.
[23] *Селиверстов С. В.* Алаш в Сибири в 1918–1919 гг. С. 23.
[24] *Демидов В. А.* От Каракорума к автономии. Новосибирск: НГУ, 1996. С. 27.
[25] Судьба коренных народов Горного Алтая (Из истории национально-государственного строительства. 1800–1940 гг.). Горно-Алтайск, 2004. С. 78, 84.
[26] Там же. С. 85, 89.
[27] Там же. С. 98; *Шиловский М. В.* Каган государства Ойрот // Шиловский М. В. Судьбы, связанные с Сибирью. Биографические очерки. Новосибирск: Сова, 2007. С. 39.
[28] ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 27. Л. 9, 11.
[29] Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 68.

[30] Восточное отделение правительства Алаш-орды. С. 49.
[31] *Кириченко С. В.* Бурятская интеллигенция: национализм и национальный вопрос // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. История. 2018. № 51. С. 63.
[32] Омский вестник. 1918. 18 июля.

References

Congresses, conferences and meetings of social and class, political, religious and national organizations in Transbaikalian oblast (March, 1917 – November, 1918). Tomsk: Tomsk Press University, 1991.

Congresses, conferences and meetings of social and class, political, religious and national organizations in Irkutsk Governorate (March, 1917–1919). Tomsk: Tomsk University Press, 1991.

DEMIDOV V. A. *Oktyabr i natsionalnyy vopros v Sibiri. 1917–1923.* [October and national issue in Siberia. 1917–1923]. 2nd ed. Novosibirsk: Nauka, 1983.

DEMIDOV V. A. *Ot Karakoruma k avtonomii.* [From Karakorum to Autonomy]. Novosibirsk: Novosibirsk State Press, 1996.

Etnopoliticheskiye protsessy v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revolyutsii 1917 g. [Ethnopolitical processes in Central Asian peripheries of Russia during the Revolution of 1917]. Barnaul: Altai State University Press, 2017.

FYODOROV V. I. *Yakutiya v epokhu voyn i revolyutsiy (1917–1919).* [Yakutiya during the era of wars and revolutions]. Novosibirsk: Geo; Tomsk: Tomsk Publishing House, 1991.

KHRISTOFOROV V. S. *"V tselyakh izolyatsii Alikhana Bukeykhanova ot kazakhskogo naseleniya vyslat' yego v Moskvu" (po materialam TsA FSB Rossii).* [In order to isolate Alikhan Bukeykhanov from the Kazakh population exile him to Moscow (On the Materials of Central Archive of Federal Security Service of Russia)] // Istoriya Rossii. 2017. N 4. P. 62–68.

KIRICHENKO S. V. *Buryatskaya intelligentsia: natsionalizm i natsionalnyy vopros.* [Buryat intelligentsia: nationalism and national issue] // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Istoriya. 2018. N 51. P. 61–64.

KULAKOVSKIY A. Ye. *Iz pis'ma yakutskoy intelligentsii.* [From a letter of Yakut intelligentsia] // Dyakonova N. N. *Yakutskaya intelligentsia v natsional'noy istorii. Sud'ba i vremya (konets XIX – 1917 g.).* [Yakut intelligentsiya in national history. Fate and time (late XIX century – 1917)]. Novosibirsk: Nauka, 2002. Appendix. P. 232.

NAM I. V. *O kul'turno-natsional'noy avtonomii musul'man Sibiri v 1917 g.* [On the cultural and national autonomy of Muslims in Siberia in 1917] // Materials of the interregional meeting on cultural development of small-numbered indigenous peoples of Siberia. Tomsk: Tomsk University Press, 1996. P. 161–166.

NAM I. V. *Natsional'nyye menshinstva v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v usloviyakh revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (1917–1922).* [National minorities in Siberia and Far East during the Revolution and Civil War (1917–1922)]. Manuscript of doctoral thesis. Tomsk, 2008.

Natsional'nyy vopros i etnicheskie voinskie formirovaniya russkoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny [National issue and ethnic fighting units of the Russian army during the World War I]. Perm: Publishing center of the Perm State University, 2017.

POTANIN G. N. *Nuzhdy Sibiri.* [Needs of Siberia] // *Sibir', eyo sovremennoye sostoyaniye i eyo nuzhdy* [Siberia, its current status and its needs]. SPb., 1908. P. 261–288.

SELIVYORSTOV S. V. *Alash v Sibiri v 1918–1919 gg.: positsiya A. N. Bukeykhanova i tendentsiya regional'nykh otnosheniy.* [Alsh in Siberia in 1918–1919: viewpoint of A. N. Bukeykhanov and trend of regional relations] // Evraziya. 2008. N 1. P. 22–24.

SELIVYORSTOV S. V. *Puti integratsii v evraziyskom regione v 1917 g.: G. N. Potanin, A. N. Bukeykhanov, M. Chokay* [Ways of integration in Eurasian region in 1917: G. N. Potanin, A. N. Bukeykhanov, M. Chokay] // Aziatskaya Rossiya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: problemy regional'noy istorii [Asiatic Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. Omsk: Omsk University Press, 2008. P. 164–170.

SHILOVSKIY M. V. *Pervyy sibirskiy oblastnoy s'ezd (October, 1917).* [First Siberian Regional Congress] // Voprosy istorii Sibiri. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press, 1998. P. 46–58.

SHILOVSKIY M. V. *"Polneyshaya samootverzhennaya predannost' nauke..." G.N. Potanin. Biograficheskiy ocherk.* ["Total self-sacrificing commitment to science..." G.N. Potanin. Biographical essay]. Novosibirsk: Sova, 2004.

SHILOVSKIY M.V. *Kagan gosudarstva Oyrot.* [Kagan of the Oyrot State] // Shilovskiy M.V. *Sud'by, svyazannyye Sibiryu.* [Fates linked to Siberia. Biographical Essays]. Novosibirsk: Sova, 2007. P. 35–41.

SHILOVSKIY M.V. *Vzaimodeystviye deyateley "Alash" i sibirskikh oblastnikov.* [Interaction of members of "Alash" and Siberian Regionalists in 1917–1918] // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. 2018. N21. P. 37–45.

Sud'ba korennykh narodov Gornogo Altaya Fate of indigenous peoples of Gorny Altai. 1800–1940 gg. [From the history of nation- and state building. 1800–1940]. Gorno-Altaisk, 2004.

Vostochnoye otdeleniye pravitel'stva Alashordy. Sb. Dokumentov. [Eastern branch of the government of Alash-Orda. Collected documents]. Semey, 2010.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М.В. Шиловский. Проблема национально-территориальной автономии в Сибири в период социального катаклизма 1917 г. (март–декабрь) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 123–135

Аннотация: Анализируется позиция национальных элит аборигенных этносов Сибири (алтайцы, казахи, хакасы, буряты, якуты) в плане разработки концептуальных подходов формирования национальных программ в начале XX в. Существенное воздействие на этот процесс оказали: землеустройство «инородцев» юга Азиатской России, массовые переселения, страх утраты национальной идентичности в ходе христианизации и ассимиляции. Ситуация усугубилась во время Первой мировой войны неудачной попыткой реквизиции «инородцев» на тыловые работы. На позиции национальной интеллигенции повлияли опыт революции 1905–1907 гг. и теоретические наработки сибирских областников, прежде всего Г.Н. Потанина. Поэтому сразу же после Февральской революции лидеры национальных движений и созданные ими политизированные национальные объединения (Алаш-Орда, Бурнацком, Якутский трудовой союз федералистов и т.д.), продекларировав требование культурно-национальной автономии, пытаются добиться национально-территориальной автономии.

Ключевые слова: аборигенные этносы, национальное движение, национально-территориальная автономия, сибирское областничество, Первая мировая война 1914–1918 гг., земство, областные съезды, автономисты, федералисты, Республика Ойрот.

FOR CITATION

M.V. Shilovskiy. Problem of National-Territorial Autonomy in Siberia during the Period of Social Cataclysm of 1917 (March–December) // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 123–135

Abstract: The paper analyzes standpoint of national elites of aboriginal peoples in Siberia (Altaians, Kazakhs, Buryats, Yakuts) regarding the conceptual approaches to development of national programs in the early 20th century. This process was considerably impacted by reorganization of land use among the *inorodtsy* in southern areas of Asiatic Russia; mass resettlement; concerns about loss of ethnic identity due to Christianization and assimilation. The situation was exacerbated during the World War I by the failed attempt to requisition the *inorodtsy* to work in the rear areas. The viewpoint of national intelligentsia was influenced by the experience of Revolution of 1905–1907 and theoretical insights of Siberian regionalists, first of all, of G.N. Potanin. For that reason immediately after the February revolution leaders of national movements and their politicized national alliances (Allash-Orda, Burnatskom, Yakut Labour Union of Federalists etc.), having demanded the national and cultural autonomy, tried to achieve national-territory autonomy.

Key words: aboriginal ethnos, national movement, national-territory autonomy, Siberian regionalism, World War I of 1914–1918, *zemstvo*, regional congresses, autonomists, federalists, Oyrot Republic.

Автор: **Шиловский, Михаил Викторович** — д. и. н., профессор, профессор гуманитарного института Новосибирского государственного университета, заведующий сектором Института истории СО РАН.

Author: **Shilovskiy, Mikhail Viktorovich** — Dr. of Sciences (History), Professor, Institute of Humanities, Novosibirsk State University, Head of sector, Institute of History, SB.

E-mail: istorik.novosib@gmail.com